

В. Г. Белинский

**Сочинения в стихах и
прозе Дениса Давыдова**

Виссарион Белинский

**Сочинения в стихах и
прозе Дениса Давыдова**

«Public Domain»

1840

Белинский В. Г.

Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова /
В. Г. Белинский — «Public Domain», 1840

«...Мир и спокойствие – и о Давыдове нет слуха; его как бы нет на свете; но повеет войною – и он уже тут, – торчит среди битв, как казачья пика. Снова мир, и Давыдов опять в степях своих, опять гражданин, семьянин, пахарь, ловчий, стихотворец, поклонник красоты в ее отраслях, – в юной деве ли, в произведении художеств, в подвигах ли военном или гражданском, словесности ли – везде слуга ее, везде раб ее, поэт ее; вот Давыдов!...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	8
Комментарии	

Виссарион Белинский

Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова

*Второе издание, исправленное и дополненное. Санкт-Петербург.
1840. Три части.*

Помните ли вы то время нашей литературы, когда она казалась такою живою, разнообразною, пестрою, богатою, – когда не было конца литературным новостям, не было конца изумлению и наслаждению читателя? Прекрасное то было время! Тогда явился исполин нашей поэзии, полный и могучий представитель русского духа в искусстве – Пушкин. Каждое его новое стихотворение, показывавшееся то в журнале, то в альманахе, расшевеливало все умы, настроенные ожиданием чудес его поэзии, было живою, чудною новостью, которая возбуждала любопытство и вызывала внимание даже старого поколения, сладко дремавшего за бостоном и вистом. Не говоря уже о множестве мелких произведений Пушкина, – этот ряд поэм: «Руслан и Людмила», «Братья разбойники», «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Цыгане», «Полтава», наконец, драма «Борис Годунов», и вместе со всем этим глава за главою дивного поэтического романа «Евгения Онегина», создания чисто оригинального, исчерпавшего до дна всю жизнь современной Руси, – согласитесь, что тут было отчего закружиться даже и молодым, не только старым головам, которые еще не совсем успели переварить в себе и поэзию Жуковского: – столь странную и Дикою даже и она казалась им, еще с почтением вспоминая о Сумарокове, с мистическим благоговением о Хераскове, и не умевшим вообразить ничего выше Ломоносова, Державина и Озерова! Все теории перевернулись и перепрокинулись: классицизм единогласно был уволен в чистую, за выслугою и дряхлостью, а романтизм плохо понимали и самые его поборники. Шум, крик, споры... Славное было то время! Что нужды, если спорившие плохо разумели предмет спора: разумение является тогда, когда утихнет шум и крик, но оно все-таки есть результат этого шума и крика. Тогда шумели, кричали, спорили и даже *бранились*, – это правда, – но не из подписчиков, единственной и исключительной причины полемики многих теперешних журналов, а из мысли, из желания защитить свое убеждение или узнать истину. Конечно, и тут, как во всяком человеческом деле, вмешивались и корыстные расчеты, и самолюбие; но главным рычагом всей тогдашней литературной деятельности и главною причиною и шума, и криков, и даже браней, было живое стремление к истине... Но об этом грустном предмете мы скоро поговорим в особой статье; а теперь нам должно скорее дойти до предмета настоящей статьи – Давыдова.

Вслед за Пушкиным вышла на литературную арену целая дружина молодых талантов. Все они пошли по направлению, данному им Пушкиным, и самый последний из них, без всякого спора, гораздо выше, например, гг. Тимофеева и Кукольника, громко провозглашенных в одном журнале великими гениями русской литературы от 1834 года до сей минуты включительно, или г. Бернета, который благодаря тому же журналу смело стал подле двух первых^[1]. Кроме того, что каждый из талантов, появившихся вслед за Пушкиным, имел больше или меньше неотъемлемое достоинство, положительную силу, – не забудем, что каждый из них тем сильнее действовал на публику, что был для нее совершенно новым; уже одна новость, небывалость и, в отношении к предшествовавшему периоду литературы, совершенная оригинальность могла быть принята и за талант, и за гений. В это время начало ходить по рукам в рукописи творение Грибоедова «Горе от ума»; в это время чувствительные души плакали над рукописным «Чернецом» Козлова и беспрестанно появлялись лирические произведения Козлова, Баратынского, Веневитинова, Полежаева, Вронченко, Подолинского, Языкова, Хомякова, Дельвига, Глинки (Ф. Н.), Тепловой, Теплякова, Ознобишина, Туманского, Шевырева

(особенно как талантливого переводчика Шиллера), Шишкова 2-го (переводчика «Немецкого театра»), Писарева (водевилиста) и пр. ¹ При этом довольно значительном числе дарований, действовавших в одно время и под влиянием одного общего светила – Пушкина, действовал и великий талант старого периода литературы – Жуковский, и действовал, казалось, с новой силой. Даже изредка являлись басни Крылова. Всегда игривая, остроумная, а нередко и трогательная грустным чувством муза князя Вяземского, казалось, получила новую жизнь. Мерзляков напомнил о себе и в это время своими русскими песнями, Гнедич – отрывками из «Илиады», которая наконец и вполне была издана в 1830 году...

Мы говорили о стихотворцах; теперь перейдем к прозаикам. Их число, конечно, было не так велико, как число прозаиков с 1834 года; но мы здесь говорим собственно не о стихотворцах или прозаиках, а о целой литературе в данный период. Притом же, количество не всегда то же, что качество, и посему и в отношении к прозаикам мы еще помедлим отдать перевес последнему времени литературы, начавшемуся с 1834 года. Вместе с Пушкиным вышел на поприще литературы Марлинский. Время произнесло свой суд над этим писателем: лет пять назад он был ростом чуть не с Шекспира, или с Эльборус, а теперь поступил на вакантное удивление и восторг той части публики, которая, отдав романам г. Булгарина полную дань удивления и восторга, уже скучает ими и требует чего-нибудь получше. Как бы то ни было, но Марлинский все-таки очень примечательное лицо в истории нашей литературы. Его назначение было – действовать против заплесневелой старости. Он очень остроумно и энергически преследовал мелкою журнальною дробью так называвшихся тогда «классиков», а в повестях своих из всех сил добивался оригинальности в вымысле и выражении, новых блестящих оборотов в слоге и в новых словах. Его сочинения принесли великую пользу тем, что уничтожили в глазах публики всякую цену прежнего направления в романе и повести, сделав их смешными и пошлыми, и возбудили в публике требование чего-то лучшего, высшего и истиннейшего. Сначала публика думала, что нашла в повестях Марлинского осуществившийся идеал современного романа и повести; но, поприглядевшись к ним, она признала их почтенною, хотя и неудавшеюся попыткою, и с рук на руки передала той части публики, которая, прочитав «Ивана Выжигина», уже остроумно и колко подшучивала над «Милордом английским»^[2]. Но дальнейшие подробности этого дела не относятся к предмету нашей статьи: нам нужно заметить только, что если повести Марлинского, теперь, будучи изданы вторично, имели такой блестящий успех, то какой же восторг производили они своею новостью и оригинальностью, какое движение и какую жизнь давали нашей литературе и нашей публике! И не забудьте, что они были современны поэмам Пушкина, «Горе от ума» Грибоедова и всем выше исчисленным нами поэтам. Кроме Марлинского, попытками на русскую повесть в то время замечательны гг. Погодин и Полевой; их повести не только не лишены значительных беллетрических достоинств, особенно важных для того времени, в которое они являлись, но они возбуждали сильный интерес в тогдашней публике. Г-н Полевой, сверх того, приобретший большую известность в качестве журналиста, сделал еще попытку и на исторический роман, и в его «Клятве при гробе господнем» есть места, отличающиеся занимательностью и ознаменованные некоторою степенью дарования. В это же время вышел на литературную арену еще новый атлет, с свежими силами, с элементом новой жизни, совершенно новою мыслию в новой оригинальной форме: мы говорим о князе Одоевском, который создал себе особый род и не нашел себе в нем ни последователей, ни соперников. Трудно определить характер его так называемых повестей, которые скорее можно назвать поэтическими думами о жизни и фантастическими видениями. В них преобладает глубоко гуманическое начало; их герой – внутренний человек, и всего чаще – художник в борьбе

¹ Достойны внимания переводы и даже некоторые оригинальные произведения гг. Ротчева, Тютчева, Маркевича, Вердеревского и даже г. Раича, очень недурно переведшего «Буколики» Виргилия и написавшего несколько стихотворений, отличающихся гладкостью и бойкостью стиха.

с враждебной действительностию. В некоторых из них преобладает благородный юмор, возбуждаемый созерцанием противоречий жизни и искаженной человеческой природы, – и во всех господствует дидактически-поэтическое стремление – пробуждать заснувшие в грязи внешней жизни души для высшего идеального существования. Первым его литературным опытом была повесть «Элладий», потом несколько аллегорий, напечатанных в «Мнемозине», но это были только пробы пера, – и те, которым известны «Последний квартет Бетховена», «Себастиан Бах», «Насмешки мертвого» и другие пьесы князя Одоевского, согласятся с нами, что такой писатель имеет не временное значение и важность. Какой же интерес должны были возбуждать в публике эти произведения при своем появлении, какую жизнь должны были давать они литературе того прекрасного времени! ²

² Как жаль, что князь Одоевский медлит до сих пор изданием своих сочинений, рассеянных по журналам и альманахам! Только тогда можно было увидеть, какое важное значение имеют они в русской литературе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

«Библиотека для чтения».

2.

Имеется в виду «Повесть о приключении английского милорда Георга и о бранденбургской маркграфине Фредерике-Луизе» (1782) М. Комарова.